

субстанции, а между ними, причастный той и другой и связующий их, человек — Вселенная в миниатюре. В ряду существ, от высшего до низшего, присутствует Бог — как принимающий в них участие. Напомним, что Он не делится на части: «est participatio, non cuiusdam partis assumptio, sed divinarum dationum, et donationum a summo usque deorsum per superiores ordines inferioribus distributio»****(III, 3). Сотворенные из ничего, то есть из ничего их собственного существования, вещи сотворены также из того Ничто, которое есть сверхбытие, то есть Бог. Сказать, что Бог есть сама реальность вещей — est enim omnium essentia*****, — значит утверждать, что всякая вещь — это лишь божественный дар самого бытия, благодаря которому она существует. Именно в этом смысле Эриугена понимает знаменитую формулу Дионисия: бытие всех вещей есть Божественное сверхбытие (esse omnium est superesse divinitas), где разрыв между тварным esse и божественным superesse неотделим от связи, которая их объединяет. В том же смысле будем понимать самые рискованные формулировки Эриугены и мы — не для того, чтобы их смягчить, но ради смысла, который он в них вкладывает: «non duo a seipsis distantia debemus intelligere Deum et

, в уче-

creaturam, sed unum et idipsum»¹

нии, где отношения бытия являются лишь отношениями значений, под этим понимается следующее: «nam et creatura in Deo est subsistens, et Deus in creatura mirabili et ineffabili modo creatur, seipsum manifestans, invisibilis visibilem se faciens, et incomprehensibilis comprehensibilem»*****. По сути, Эриугена интересует всех и не удовлетворяет никого: он говорит как пантеист, но те, кто хотел бы, чтобы он был пантеистом, видят, что он им не является. «Но почему тогда, — думают те, кто пантеистом его не считает, — он говорит так, как если бы был пантеистом?» Повторим еще раз: он говорит о другом — об отношении мышления к его формулам или принципам к их экспликации.

В этом смысле озарение подчиняется иерархическому порядку и дает все меньше света и бытия в процессе нисхождения от ангелов к человеку, от человека — к физическим телам. Природа этой иерархии остается плохо понятой, поскольку ранг существа рассматривается как приложение к его субстанции. Порядок вещей не есть их расположение в какой-то последовательности, как бы осуществленное Богом после их сотворения; их ранг — это само их бытие. Таким образом, иерархия — это некоторая священная реальность, на что и указывает значение этого слова; она есть упорядоченное участие всех вещей в Боге.

Ангелы — это настолько совершенные мыслящие существа, насколько могут ими быть существа тварные. Нематериальные в том смысле, что они не заключены в материю, как наши души, они тем не менее обладают духовными телами, простыми, не имеющими формы и осязаемыми очертаниями. В отличие от людей у них есть непосредственное и в какой-то мере эмпирическое знание о божественной реальности. Это не означает, что ангелы видят Бога лицом к лицу. Бога не видел никто никогда, никто никогда Его не увидит, и то, что сами ангелы не способны Его видеть, убеждает нас в том, что Его не могут увидеть и люди. Ангелы не видят

163

2. Иоанн Скот Эриугена

только Бога, но и Божьих идей; их виде-